

ВЫДАЮЩИЙСЯ ФИЛОЛОГ ИНДИИ Ш. Р. ФАРУКИ

© 2023

А. А. Васильева¹

Одним из основных условий равноправного сотрудничества российских исследователей в масштабах мирового научного сообщества является осведомленность о зарубежных ученых и их деятельности по соответствующим дисциплинам. Особенно это касается коллег из стран изучаемого региона. Эта статья посвящена одному из крупнейших индийских филологов нашего времени, сравнительно недавно ушедшему из жизни, Ш. Р. Фаруки. В урдуязычном мире он известен как ученый-энциклопедист, внесший огромный вклад в изучение языка и литературы урду и культуры, связанной с этим языком, а также как талантливый поэт и прозаик. Он в определенной степени изменил направление развития критической мысли в литературе урду. Его научные труды, стихи, рассказы и романы отмечены престижными премиями и переведены на иностранные языки. Ш. Р. Фаруки был уникальным среди индийских и пакистанских исследователей поклонником российской филологии, кому были известны практически все работы наших ученых, доступные в переводах на английский язык и на язык урду. Имена российских исследователей и цитаты из их работ можно видеть на страницах его публикаций. В качестве примера предлагается перевод отрывка из широко известной монографии Ш. Р. Фаруки, в которой он делится мнением о книге сотрудницы нашего института Н. И. Пригариной о великом поэте урду Мирзе Галибе, переведенной на урду.

Ключевые слова: Ш. Р. Фаруки, зарубежные коллеги, контакты, язык, литература и культура урду, прогрессивистское направление и модернизм в литературе урду, традиции, переводы, Мирза Галиб, проф. Н. И. Пригарина

Для цитирования: Васильева А. А. Выдающийся филолог Индии Ш. Р. Фаруки. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 2. С. 95-105. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-095-105

THE OUTSTANDING PHILOLOGIST OF INDIA, S. R. FARUQI

Ludmila A. Vasilyeva

One of the primary conditions of our equal participation in the world scholarly community, first of all in the countries of the regions under study, is the awareness of our foreign colleagues and their works and academic activities. The article tells about one of the most reputed Indian philologists of our time, the recently deceased S. R. Farooqi. In the Urdu-speaking world he is known as an encyclopedist who made a huge contribution to the study of the Urdu language, literature and the culture associated with this language, and changed to a certain extent the direction of the development of literary criticism in Urdu. S. R. Farooqi was also a talented poet and prose writer. His works as well as poems, stories and novels have received prestigious awards and have been translated into foreign languages.

¹ Васильева Людмила Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ludvas@yahoo.com
Ludmila A. Vasilyeva, PhD (Literature), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow; ludvas@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-2466-3832

S. R. Farooqi was an unique admirer of Russian philology among Indian and Pakistani scholars; he knew practically all the works of our famous academics that are available in English and Urdu translations. The names of Russian authors and quotations from their works can be seen on the pages of his publications. There is a translation of a passage from a well-known monograph by S. R. Faruqi at the end of the article, in which the Indian scholar shares his opinion on the book by our colleague, Prof. N. I. Prigarina about the great Urdu poet Mirza Ghalib translated into Urdu.

Keywords: S. R Faruqi, foreign colleagues, contacts, Urdu Language, Literature and Culture, traditions, Progressive Movement and modernism in Urdu Literature, translations, Mirza Ghalib, Prof. N. Prigarina.

For citation: Ludmila A. Vasilyeva. The outstanding philologist of India S. R. Faruqi. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 2. Pp. 95–105. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-2-095-105

Предлагаемая статья созвучна словам нового главного редактора журнала «Вестник Института востоковедения РАН» Е. Ю. Ваниной, с которыми она обратилась к коллегам и читателям журнала: «Никто не отлучит нас от мирового востоковедения, если мы сами не замкнемся в себе, если сохраним контакты с зарубежными коллегами» [Ванина, 2022, с. 9]. Понятие «контакты» весьма широкое, и одной из составляющих его является осведомленность о состоянии соответствующей области науки изучаемого региона и об ее наиболее известных представителях. Эта статья посвящена памяти одного из крупнейших ученых-филологов современной Индии — Ш. Р. Фаруки.

Имя сравнительно недавно ушедшего из жизни Шамсур Рахмана Фаруки (1935–2020)² известно у нас лишь крайне ограниченному числу индологов — специалистов по языку и литературе урду. Но его хорошо знают в странах Южной Азии и во всех регионах урдуязычной диаспоры как выдающегося литературного критика, лексиколога, историографа языка и литературы урду, крупнейшего знатока и исследователя просодии и грамматики языка урду. Вместе с тем он был столь же известным поэтом, прозаиком, переводчиком, редактором, издателем и страстным библиофилом в одном лице.

Ш. Р. Фаруки писал на урду и на английском языках. Среди огромного числа его работ немалое место занимают переводы — Фаруки переводил с урду на английский (и наоборот) как собственные произведения, так и произведения классиков и менее известных поэтов и писателей урду. Эти переводы расцениваются как большой вклад в процесс внедрения творчества индийских авторов в историю мировой литературы и в современный литературный процесс.

Стихи Ш. Р. Фаруки пользовались неизменным успехом у поклонников новых стихотворных форм, сборникам его рассказов и романам присуждались высокие литературные награды, включая четвертую из высших гражданских наград Индии — орден «Падма Шри» (2009). Трудно отдать приоритет какой-либо из перечисленных областей многогранной и плодотворной деятельности Ш. Р. Фаруки, в которой бы он преуспел больше, чем в других, но все его устремления определяло одно — безмерная любовь к родному языку урду и литературе на нем.

Коллеги называли Ш. Р. Фаруки «яркой звездой» (*roshan sitāra*) и считали звеном, соединяющим старое и новое, культуру и историю. Его труд «Литературная культура и история раннего урду»³ не просто пролил свет на возникновение и эволюцию языка урду, но и коренным

² Ш. Р. Фаруки скончался 25 декабря 2020 г. от осложнений, вызванных covid-19.

³ «*Urdū kā ibtidāī zamāna*» — монография написана на урду и издана самим Фаруки в Дели в 1999 г., но за рубежом Индии известностью пользуется ее версия на английском языке: S. R. Faruqi. *Early Urdu Culture and History*. New Delhi: Oxford University Press, 2001.

образом изменил представления современных индийцев о природе урду. Поэтому его вклад в лингвистическую историографию языка урду признается в Индии исключительным.

Ш. Р. Фаруки был носителем поистине энциклопедических знаний во многих гуманитарных областях, которым он нашел практическое применение в своих научных работах и художественных произведениях. Объем проделанной им работы трудно измерить. Кроме Ш. Р. Фаруки вряд ли найдется на Индо-Пакистанском субконтиненте другой современный интеллигент, кто мог бы говорить с такими глубокими знаниями предмета о любых проблемах литературы и языка урду, а прежде всего — о многовековых социокультурных традициях, связанных с ним, — говорить столь увлеченно и вместе с тем со щемящей болью за них, видя упадок культурного феномена, который известен как «культура урду» (*udri tabzīb*).

Об этой «культуре урду» повествуют романы и большинство повестей и рассказов Фаруки. Художественное время и пространство в прозе Фаруки помещены в культурное и литературное прошлое индо-мусульманского общества XVIII–XIX вв. Это прошлое он никогда не считал «мертвым» и писал о нем так, что современные читатели воспринимали его как лишь недавно минувшее время, и картины былых времен восхищали всех своими яркими, ничуть не потускневшими красками. «Я не пишу историческую фантастику. Я пишу о поэзии, любви, смерти, о том, что значило быть поэтом, любовником или просто индийцем в то время. Это был очень богатый и значительный период нашей истории, и я стараюсь, чтобы он не стерся из нашей памяти», — не раз повторял он в своих интервью.

С ранних лет жизнь ученого оказалась тесно связанной с миром книг. Ш. Р. Фаруки принадлежал к почтенному мусульманскому роду. Вся атмосфера в его отцовской семье казалась пронизанной религиозным благочестием. Его дед и отец были людьми образованными, активными по жизни, строгими приверженцами дисциплины, что передалось и Шамсур Рахману. Оба всю жизнь проработали в системе образования: дед долгое время преподавал в педагогическом колледже в Горакхпуре, древнем городе штата Уттар Прадеш, а отец вышел на пенсию в должности инспектора мусульманских школ округа. Мать Фаруки происходила из богатой семьи с древними персидскими и арабскими корнями, издавна поселившейся в Бенаресе. Дед и отец по материнской линии прекрасно знали персидский и арабский языки и были известны в Бенаресе своей ученостью. Таким образом, любовь к языкам, поэзии и к литературе Шамсур Рахман унаследовал с обеих сторон — отца и матери.

Начальное и среднее образование Шамсур Рахман получил в Горакхпуре. Здесь он страстился к чтению, здесь же написал первые стихи, которые читал на школьных мушаирах⁴ — это были традиционные газели, но уже отмеченные индивидуальностью юного поэта. Отец Шамсур Рахмана Маульви Халидур Рахман вспоминал в своих мемуарах, что сын так любил читать, что до позднего вечера просиживал в переплетной мастерской, находившейся по соседству с их домом, чтобы читать книги, поступавшие в мастерскую для переплета. Даже в школу он часто ходил с книгой в руке, глядя в нее на ходу. По-видимому, «запойное чтение» с детства, требовавшее немало напряжения глаз ребенка, привело к тому, что уже с четырнадцати лет он вынужден был носить очки, а впоследствии имел серьезные проблемы со зрением.

В Горакхпуре же в 1951 г. Шамсур Рахман получил степень бакалавра, а в 1955 г. в Аллахабадском университете — степень магистра. Под руководством Хариванша Рая Баччана (1907–2003) — одного из крупнейших поэтов хинди XX в., преподававшего в то время в Аллахабадском университете, Фаруки начал трудиться над кандидатской диссертацией по английскому символизму, но оставил работу незаконченной из-за разногласий с руководителем — уже тогда

⁴ Мушаира — традиционное публичное чтение стихов, своеобразное поэтическое состязание выступающих поэтов.

проявились его горячий темперамент и бескомпромиссность в вопросах, связанных с его научным видением и литературным вкусом. Несколько лет Фаруки преподавал литературу (английскую и урду) в разных колледжах Уттар Прадеша, а затем решил поступить на государственную службу. Он блестяще выдержал экзамены в системе Гражданских служб Индии и избрал для своей деятельности область почтового ведомства. Впоследствии в одном из интервью он объяснял свой выбор тем, что эта работа по сравнению с другими была более легкой и оставляла больше свободного времени для того, чтобы писать. В 1958 г. Шамсур Рахман Фаруки получил свою первую должность начальника почтового отделения в Гаухати, самом большом городе на северо-востоке Индии, в штате Ассам. Он быстро продвигался по службе, сделал довольно успешную карьеру, которая завершилась в 1994 г. с его выходом на пенсию в престижной должности члена Совета почтовых служб Дели. После этого он, поселившись в Аллахабаде, полностью погрузился в мир литературы, посвятив ей всю оставшуюся жизнь.

Поддержкой и опорой в жизни Ш. Р. Фаруки считал свою супругу Джамилу, которая тоже была весьма незаурядной личностью. Она имела степень магистра английской литературы, на свои средства основала школу для девочек, ориентированную на экономически отстающие слои населения, и до последнего дня своей жизни оставалась ее бесменным спонсором и директором. Воспитание двух дочерей, ставших впоследствии профессорами литературы урду, также легло в основном на ее плечи, поскольку Джамила всеми силами старалась обеспечить максимально благоприятную обстановку для работы мужа. Фаруки всегда подчеркивал, что без Джамилы он никогда не смог бы стать тем, кем он стал в литературе и в науке. Джамила скончалась в 2007 г., но память о ней жила в каждом уголке их аллахабадского дома до последнего дня Ш. Р. Фаруки.

В Аллахабаде просторный особняк Фаруки пользовался широкой известностью, и его двери были гостеприимно открыты как для близких друзей и литературной элиты, так и для просто знакомых, включая студентов и преподавателей Аллахабадского университета, учителей средних школ и любителей поэзии, жаждущих пообщаться с ученым.

Примечательностью не только дома Фаруки, но и города считается уникальная библиотека ученого, которую он начал собирать в ранней молодости. Она является, вероятно, одним из самых впечатляющих книгохранилищ в Аллахабаде: в ней собрано более 10 000 книг, большинство — на урду и английском, но в числе их есть и издания на персидском и арабском языках, на которых Ш. Р. Фаруки свободно читал. Особую гордость его библиотеки составляли сорок шесть томов дастана об Амуре Хамзе⁵, а также все выпуски *New York Review of Books* (NYRB)⁶, начиная с первого, вышедшего в феврале 1963 г.

В кабинете Фаруки, большая часть которого занята книжными стеллажами от пола до потолка, обычно находился кто-либо из знакомых, зашедших повидаться с хозяином. Они, рассматривая и перелистывая книги, ожидали, когда у их ученого друга наступит время «передышки» и он выйдет к ним поговорить за чашкой чая. Но нередко кабинет посещали малознакомые или вовсе посторонние люди, потому что библиотека ученого оставалась открытой для посетителей — если он сам в это время не работал за своим письменным столом, стоящим в кабинете. Ученый часто менял место работы, «переселяясь» со своим ноутбуком из кабинета

⁵ «Сказание об Амуре Хамзе» (*Dāstān-e Amīr Hamza*) повествует о легендарных подвигах дяди Пророка, отважного Амира Хамзы и о его фантастических приключениях, когда Хамза и его сподвижники сражаются с врагами ислама. История Хамзы распространилась во всем исламском мире, самая длинная версия дастана существует на языке урду и содержит 46 томов примерно на 45000 страниц.

⁶ NYRB — периодический журнал, выходящий в Нью-Йорке обычно 20 раз в год и неоднократно названный «ведущим литературно-интеллектуальным журналом на английском языке».

то на диван в гостиную, то на широкую кровать в просторную спальню (он любил работать полусидя, опершись на подушки), то в тенистый двор, устроившись в большом удобном кресле рядом с огромным вольером, в котором жили около ста попугаев разных пород. Здесь же они откладывали яйца и выводили птенцов. Фаруки обожал своих пернатых питомцев. За ними ухаживала женщина-орнитолог, и в ее служебные обязанности входил не только уход за птицами, но и наблюдение за ними. В этом же флигеле рядом с вольером попугаев жили в «своей» комнате (вместо конуры) две собаки — также любимцы Фаруки. Пока он сам работал в гостиной или на открытом воздухе, его секретарь, всегда находившийся в кабинете, оказывал помощь в поиске нужного издания учителю, студенту или просто книголюбу — каждому, кто заходил в гостеприимный дом и получал разрешения хозяина воспользоваться его библиотекой.

Литературной деятельностью Шамсур Рахман начал серьезно заниматься сразу после окончания университета. Его увлечению не помешали ни преподавательская работа, ни служба в почтовом ведомстве. Свой творческий путь он начал как автор коротких рассказов и как поэт. Но появившийся интерес к литературной критике на некоторое время уменьшил его влечение к поэзии и художественной прозе. Ш. Р. Фаруки стал изучать западные литературные тенденции и попробовал рассматривать литературу урду в новом, западном ключе. Однако он очень скоро убедился, что исследование классической восточной литературы и, в частности, поэзии на родном языке невозможно без обращения к традиционной поэтике, основанной на арабо-персидской науке о поэзии и приспособленной к нормам языка урду. В конце концов им был выработан новый метод исследования родной литературы, сочетающий современные литературные нормы западных теорий и традиционную классическую поэтику.

Ш. Р. Фаруки называют «хранителем классики», «мостом» между богатым внутренним миром его соотечественников и огромной аудиторией англоязычного мира. И еще — «Т. С. Элиотом литературы на урду» (так именовал его известный критик Калимуддин Ахмад), поскольку именно Ш. Р. Фаруки внес в литературу и в литературную критику урду дух модернизма. Правда, сам Ш. Р. Фаруки не признавал этот «ярлык», как отзывался он о словах К. Ахмада. В 1966 г. в Аллахабаде он основал и редактировал журнал «Шабхун» (*Shabkhoon*), вскоре ставший одним из наиболее влиятельных литературных журналов Индии. Журнал издавался до 2006 г. В этом журнале Ш. Р. Фаруки представил свои идеи относительно современной теории литературы. По всеобщему мнению, «Шабхун» существенно изменил представления о природе литературной критики и в определенной мере направил критику на урду в новое русло. Этот журнал практически произвел на свет целую плеяду поэтов и прозаиков, пытавшихся нащупать новые пути развития литературы.

Журнал «Шабхун» стал выходить в то время, когда заметно ослабло Движение прогрессивных писателей во главе с Ассоциацией прогрессивных писателей Индии (АППИ), долгие годы лидировавшее в литературной жизни Индии⁷. Стали очевидными перегибы руководства АППИ, в том числе «суровое осуждение» и последовавшее исключение из рядов прогрессивистов талантливых писателей, попытавшихся отойти от директив АППИ. Особенно усилилось противостояние прогрессивистов и писателей, входивших в круг литераторов формалистического направления, в число которых входил и Ш. Р. Фаруки, хотя некоторые принципы и устремления прогрессивистов были ему совсем не чужды. Например, прогрессивисты считали своей задачей «дать жизнь критике, которая смогла бы разбить реакционные и консервативные

⁷ Подробнее о Движении прогрессивных писателей см.: [Jaffi, 1901; Глебов Н., Сухочев А. Литература урду. М.: Главная редакция восточной литературы, 1967, с. 155–156; Елизарова Р., Сухочев А. Прогрессивные писатели Пакистана. Ташкент: ФАН, 1978, с. 7–10].

взгляды на проблемы семьи, религии, пола, войны и общества. Наша цель — не дать развиваться в литературе таким течениям, которые поддерживают общинную замкнутость, кастовые предрассудки и эксплуатацию человека человеком» [Jafri, 1901, p. 12–13]. Такие же задачи и цели ставили перед собой многие писатели, публиковавшие свои произведения в журнале «Шабхун».

Ш. Р. Фаруки, будучи бунтарем по натуре, не признавал никакие «инструкции» и «доктрины», касающиеся творчества, и поэтому находился в оппозиции к прогрессивистам. Индийские прогрессивисты, многие из которых были коммунистами или «сочувствовавшими», стояли на марксистских позициях (в своем понимании). Притом что писатели прогрессивистского толка внесли огромный вклад в литературу, прежде всего в области тематики, ввели в него нового героя, обогатили поэзию и прозу новыми художественными образами, их методологические рамки ограничивали творческую фантазию художников слова. Они считали, что литература обязана быть одной из действенных сил социальных перемен, отражать социальные проблемы с марксистской точки зрения и руководствоваться «методом соцреализма». Бывали случаи, когда, допуская перегибы, руководство АППИ доходило до исключения из своих рядов писателей, нарушавших уставные положения организации и обращавшихся к тематике, далекой от социальных проблем. Слова Маяковского «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» могли бы стать девизом их деятельности во всех областях литературы. В основе их творчества лежало убеждение в том, что литература должна служить обществу, обличать и исправлять социальные пороки, беспощадно бороться с ними.

Но Ш. Р. Фаруки и его единомышленники не желали, чтобы штык и перо уравнивались и чтобы перо стало «одним из смертельных оружий, угрожающих человечеству своим острым лезвием» — так они воспринимали устремления прогрессивистов. Оппозиционеры выступали против любого «утилитарного» подхода к искусству, руководствуясь убеждением, что литература и искусство самодостаточны и независимы, а художник волен свободно выбирать темы своих произведений и творческий метод, без каких-либо указаний и предписаний. По сути дела, это было «классическое» противостояние сторонников «искусства для искусства» и демократичного «искусства для жизни». Обсуждение обеих эстетических концепций, их сильных и слабых сторон не входит в задачи этой статьи. Скажем только, что Ш. Р. Фаруки весьма критически относился к прогрессивистам и с помощью своего журнала создал «контрапункт» тому литературному корпусу, который продвигала АППИ. Но при том, что он постоянно полемизировал с писателями, входившими в АППИ, на страницах прессы и в своих статьях, в жизни среди его лучших друзей были и литераторы прогрессивистского направления. Часто они собирались за чашкой чая и уже в домашней обстановке продолжали свои споры о задачах и целях творческой личности.

Ш. Р. Фаруки был обаятельным человеком, воспитанным в правилах мусульманского этикета, однако по натуре — темпераментным, страстным полемистом. Он мог категорично и прямолинейно отзываться о любом поэте и литераторе. От него нередко можно было слышать: «Не мой тип писателя!» Кто-то даже готов был порвать с ним дружеские отношения, когда он открыто выступил против обожаемого многими Фаиза Ахмада Фаиза, обвинив его в «идеологической ангажированности». Но это не мешало ему объективно относиться к художественным достоинствам лирики Фаиза, и многие стихотворения Фаиза он считал «высокой поэзией». Фаруки высоко ценил творчество «Поэта Востока» Мухаммада Икбала, и его не смущала «исламская ангажированность» Икбала, никогда не критиковал он и панегиристов «Поэта Востока».

Определенные противоречия проявлялись порой как в суждениях, так и в поступках Фаруки, и он часто сам признавался в этом. «Я не ангел, и достоинства и недостатки живут

во мне, как и в любом человеке», — часто повторял он, когда видел правоту своего оппонента, и нередко сам подсмеивался над собой.

«Любовью жизни» Ш. Р. Фаруки была поэзия Мира Таки Мира (1724–1810). Неординарная личность великого лирика урду, его взрывной характер, его печали и радости, его стремление внести в газель урду свой собственный вклад — все это очень импонировало натуре Ш. Р. Фаруки. В его научных изысканиях жизнь и творчество великого мастера газели XVIII в. заняли особое место. Большинство своих работ о Мире Таки Мире Фаруки обычно начинал с критики исследователей творчества Мира и с опровержения хрестоматийного образа поэта как личности угрюмой, полной драматизма, а его поэзии — как поэзии, полной печали и страданий. Он доказывал неправильное представление о Мире Таки, объяснял истоки этого заблуждения, приводил множество примеров из газелей Мира, воспевающих любовь и ее радости, творческую энергию жизни. И вместе с тем среди посвященных Миру Таки Миру стихов Фаруки есть и такие строки:

Мы слышали о многих грустных людях,
Но кто же может быть печальнее, чем Мир?⁸
Кто, слово «радость» услышав,
Сказать бы мог: «Должно быть, это чье-то имя!»⁸

Перу ученого принадлежат несколько крупных работ о Мире Таки Мире, включая его четырехтомный труд «Стихи, исторгающие смятение»⁹, за которую ученый получил в 1996 г. одну из наиболее престижных литературных премий Индии — «Сарасвати самман».

Мирза Галиб (1797–1869) — один из столпов поэзии урду, литературный оппонент Мира Таки Мира, также не остался без внимания Фаруки. Перу ученого принадлежит ряд серьезных работ о поэзии Мирзы Галиба, посвященных различным аспектам его газельного творчества. Кроме художественных особенностей газелей Галиба, Ш. Р. Фаруки интересовало восприятие поэзии Мирзы Галиба в Западном мире, чуждом поэтическим традициям Востока. Но прежде всего индийский ученый рассмотрел под новым углом зрения основополагающий труд своего соотечественника — первого биографа Галиба, мусульманского просветителя Алтафа Хусейна Хали (1837–1914) — «Памятник Галибу» (*Yādgār-e Ghālib*, 1897). Ведя разговор об этом труде, Фаруки особо подчеркнул, что огромная заслуга Хали не столько в том, что он «открыл» величие Галиба для своих соотечественников, сколько в том, что он вывел Галиба за пределы урдуязычного мира: впервые в истории индийской поэзии стихи поэта урду сравнивались с творениями Вордсворта, Шекспира, Гете. Вслед за Хали Абдуррахман Биджнори¹⁰ в своем сочинении «Достоинства поэзии Галиба» (*Mahasin-e kalām-e Ghālib*) не только сравнивал поэзию Галиба с творчеством западных поэтов, но даже ставил его выше таких корифеев пера, как, например, Генрих Гейне. Ш. Р. Фаруки убедительно доказал, что именно Хали и Биджнори первыми увидели в поэзии Мирзы Галиба «черты нового разума — разума грядущего века», что и позволило сопоставить с западными поэтами и вписать в ряд крупнейших поэтов мира индийского стихотворца — представителя «страны рабов с отсталой, оскверненной культурой и попорченными традициями, благонравный народ которой раздавлен комплексом неполноценности» [Faruqi, 2001, p. 25].

⁸ Цит по: [Rani George. The last Ustad. Oct., 2014. Доступ: openthemagazine.com/lounge/books/the-last-ustad/].

⁹ Shamsur Rahman Faruqi. *She'r-e shorangez*. Jild 1–4 («Стихи, исторгающие смятение». Т. 1–4). Delhi, 1990–1994.

¹⁰ Абдур Рахман Биджнори (1885–1918) — поэт, филолог, эссеист, автор одного из самых известных предисловий к *Дивану* Галиба «Достоинства поэзии Галиба» (*Mahasin-e Kalam-e Ghalib*), которое вскоре вышло отдельной книгой и обрело широкую известность как самостоятельное исследование творчества великого поэта «Достоинства поэзии Галиба».

Отношение к родной культуре за рубежами Индии всегда было небезразлично большинству индийских деятелей литературы и культуры. Они проявляли интерес к тому, как воспринимают их литературу и культуру в европейских странах, старались следить за публикациями, касающимися литературы и искусства Индии. Но, как правило, в поле зрения литераторов Южной Азии оказывался англоязычный регион. Что же касается Ш. Р. Фаруки, то он, благодаря своей широчайшей эрудиции, знал и труды российских ученых — практически все труды, переведенные на английский язык (а в новом столетии — и на язык урду). Ш. Р. Фаруки можно назвать не только большим почитателем, но и в определенной степени пропагандистом российской науки. Он остается, пожалуй, единственным среди литературных критиков на Индо-Пакистанском субконтиненте, в чьих теоретических трудах постоянно мелькают имена и цитаты из М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, А. К. Жолковского, Р. О. Якобсона и других российских ученых. Фаруки интересовала русская поэзия XX в., он был знаком по переводам с творчеством А. Ахматовой, А. Блока, Е. Евтушенко, упоминания о которых также встречаются в его работах.

Имена наших индологов давно известны за рубежом, и прежде всего в странах, которые касаются их исследований. Это относится и к специалистам по литературе урду. Пусть численность их невелика, но проделанную ими работу за сравнительно небольшой период (начиная с конца пятидесятих годов прошлого столетия) трудно переоценить. Было приложено немало усилий, чтобы стать вровень с коллегами, изучающими западные литературы. Фактически была создана отечественная школа изучения индийских литератур. Знакомство с нашими специалистами по индийским литературам и широкое признание их успехов в странах Южной Азии относятся к тому времени, когда для советских индологов открылись возможности принимать активное участие в международных конференциях и некоторые наши публикации стали доступны восточным читателям. «Некоторые публикации» — это работы, переведенные на английский язык и на местные языки стран Индо-Пакистанского субконтинента (в данном случае речь идет об урду). Надо признаться, что переведенных работ ничтожно мало по сравнению с корпусом научной литературы на русском языке. Тем не менее эти работы явились предметом внимания и обсуждения индийских и пакистанских ученых. К сожалению, даже до самих авторов статей и монографий не всегда доходили и доходят сведения о реакции на них наших восточных коллег. Основная причина в том, что их мнения часто выражены в публикациях и выступлениях на местных индийских языках, и при отсутствии взаимных личных контактов эти публикации остаются вне поля зрения отечественных востоковедов. В качестве малой толики восполнения такой информации предлагается перевод отрывка из монографии Ш. Р. Фаруки «Четыре очерка о Галибе». Эта монография состоит из четырех частей, и одна из них посвящена обзору научно-критических работ о Мирзе Галибе. Особое внимание в этом обзоре автор уделил монографии Н. И. Пригариной «Мирза Галиб», переведенной на язык урду и вышедшей в Индии¹¹.

ПЕРЕВОД ОТРЫВКА¹²

До издания отдельной книгой работа российской исследовательницы Натальи Пригариной публиковалась в ежемесячном журнале «Сабрас» (Хайдерабад). Там я и прочел ее в отличном переводе на урду Осамы Фаруки. Эта работа очень интересна со многих точек зрения. Прежде всего, это — первая подробная биография Мирзы Галиба на русском языке. Во-вторых, другие биографические исследования на иностранных языках (например, Ральфа Рассела и Хуршидул

¹¹ Перевод выполнен по: [Prigarina, 1997].

¹² Отрывок из монографии: [S. R. Faruqi, 2001, p. 28–37].

Ислама на английском языке) несравнимы с «русской» биографией Галиба по охвату материала и глубине исследования, поскольку Н. Пригарина в своей книге задействовала психологическую, политическую, историческую, а также и культурную канву.

Российский ученый испытывает такую же любовь к Галибу, как и Рассел и Хуршидул Ислам (а возможно, ее вера в Галиба даже превосходит их чувства!), но при этом Н. Пригарина не старалась скрыть какие-то недостатки Галиба или подчеркнуть их, но все события его жизни она излагает просто и открыто, соответственно собственной точке зрения на ту или иную ситуацию.

Очень важно, что Н. Пригарина знакома с персидской поэтикой. И еще то, что она прекрасно понимает и, более того, тонко чувствует, что поэзия — выражение культуры, а не механическое отражение некоего общественного состояния (в чем убеждены некоторые наши критики-прогрессивисты). Н. Пригарина прекрасно осознает, что в нашем традиционном социуме поэт всегда занимал определенное место в обществе, всегда был его полезным членом, и стихотворчество было его делом, его работой. Иными словами, поэзия была «промыслом», ремеслом, профессией, а поэт — мастером, умельцем. Поскольку рабочим материалом поэта были слова, поэтому в его мастерстве и умении всегда были задействованы знание и разум. Если поэт писал хвалебную оду (*касыду*), то он ни в коей мере не лицемерил и не лгал и уж никак не уподоблял поэзию «выгребной яме», как писал о газели наш досточтимый просветитель Алтаф Хусейн Хали¹³. Поэт на своем попрании демонстрировал свое умение, свои «знания предмета». Таким образом он зарабатывал на хлеб и одновременно удостоверял свое право на звание поэта, на свое место под солнцем. Об этом очень хорошо пишет Н. Пригарина в своей книге. Полемизируя с одним из своих советских коллег, утверждавших, что Галиб писал касыды недостойным лицам, потому что либо «пресмыкался» перед ними ради хлеба насущного, либо желал превзойти в этом жанре своих предшественников, либо то и другое вместе, Н. Пригарина аргументированно возражает:

«Нет, это было ни то и ни другое! Это был прежде всего другой взгляд на литературу и функцию ее отдельных жанров, <...>, взгляд, диктовавший совершенно определенное отношение к литературному заработку. <...>. Традиционно приемлемым считалось и добывание денег панегириками как вид литературного мастерства. С таким же основанием можно обвинять в низком приспособленчестве ювелиров, изготовлявших короны владык, и портных, расшивавших золотом мантии, на которые мы теперь ходим смотреть в музеи» [с. 308].

Впервые попытка вразумительно говорить о поэтике газели урду также не кто-то из наших «защитников» или «наследников» газели, а иностранец — итальянец Алессандро Баузани (1921–1988) (его статьи о газели урду нетрудно найти в журналах и сборниках). Точно таким же образом «правду о касыде» впервые поведали нам не носители языка урду, а ученый из России Наталья Пригарина. Именно она первая объяснила, что *касыда* — это не составление букета из лживых слов, не демонстрация умственной и духовной несостоятельности панегириста, а вид искусства, особый вид квалифицированной профессиональной деятельности, имеющий свои принципы, свои правила и свой этикет.

<...>

В книге Н. Пригариной о Мирзе Галибе мне особенно понравились те страницы, на которых российская исследовательница проводит подробный поэтологический анализ стихов, рассматривая такие важные понятия и категории традиционной поэтики как *сабк-е хинди* («индийский стиль»), *халлбанди* («увязывание мысли»), *таджриди исти'афа* (абстрактная метафора), *пекар*

¹³ Ш. Р. Фаруки имеет в виду строку из поэмы Хали: «Этот гнилой архив *шефов* и касыда! Он зловоннее, чем выгребная яма!» [Хали, б. г., с. 78].

(образ) и многие другие. Н. Пригарина обосновывает свои мысли ссылками на таких современных исследователей творчества Галиба как Хуршидул Ислам, Ральф Рассел, а также на нашего классика Алтафа Хусейна Хали. С большим интересом я читал рассуждения Н. Пригариной о ранней поэзии Мирзы Галиба как о «продукте исторического развития нескольких литературных эпох», о преемственности поэтических поколений — «отцов и детей», «дядьев и племянников», с яркой цитатой из О. Мандельштама: «И не одно сокровище, быть может, минуя внуков, к правнукам уйдет» [с. 70–71].

Н. Пригарина с удивительной прозорливостью вписала в «поэтическое древо» Галиба имена Инши, Сауды и Насиха. Стих Мандельштама и заимствованный из Шкловского образ «дядьев и племянников», которые свидетельствуют о том, что исследовательнице не чужды и принципы русского формализма, изящным образом объединили наши литературы. К сказанному Н. Пригариной мне хотелось бы добавить лишь одно: не только в ранней поэзии Галиба, но и на протяжении всего творчества Галиба прослеживаются влияния, о которых упомянула исследовательница.

В своем обзоре изучения Галиба я намеревался, говоря о зарубежных исследованиях, коротко упомянуть о работе Н. Пригариной и быстро двигаться дальше, перейдя к другим европейским работам на эту тему. Но когда я начал писать эту часть своей книги, то понял, что в монографии Н. Пригариной затронуто столько проблем, рассмотрены такие разнообразные и неожиданные для меня стороны творчества нашего великого поэта, что я на время забыл обо всех других работах. Рассуждения российского ученого словно «пришпорили» мои собственные мысли, и они невольно устремились в дальние дали поэтических просторов...

Наталья Пригарина, рассматривая творчество Галиба, отнюдь не ограничилась традиционными рамками индо-персидской поэтики, которые в наш век оказались тесными. Успех ее культурного и литературного видения заключается, на мой взгляд, также в полном соответствии заинтересованного обдумывания стиха и удивительной внутренней связи исследовательницы с поэзией индийского стиля. Эта связь обусловлена, конечно, глубокими и всесторонними знаниями предмета. И еще — нельзя забывать, что ее работа была впервые опубликована на русском языке в 1986 г., т. е. в то время, когда в Советском Союзе были ограничены связи с зарубежными странами, доступ к источникам и, насколько мне известно, свобода выражения мыслей, не совпадающих полностью с официальными нормами. Это, возможно, касалось и тех литературных теорий, которые могли не вписываться в установки соцреализма. Но об этом я знаю только понаслышке и не могу рассуждать на эту тему.

Возвращаясь непосредственно к Галибу, следует сказать, что его жизнь была в общем-то довольно бесцветной. Кроме событий 1857 г.,¹⁴ других столь же сильных потрясений и столь же масштабных трагедий ему переживать не пришлось. Да, были, конечно, и пенсионная тяжба, и в связи с ней долгое путешествие в Калькутту. Но после этих перипетий русло ручья его жизни уже не знало крутых и извилистых поворотов. И эту относительно неинтересную биографию Галиба Н. Пригарина сумела превратить в захватывающее повествование о поэте, его жизни и творчестве.

Перевод на урду, выполненный Осамой Фаруки, сделал это повествование, к тому же, и легко читаемым. Он и раньше сотрудничал с советскими литературоведами. Так, благодаря его же переводу с русского языка нам стала доступна книга Алексея Сухочева о Махдуме, изданная в Хайдарабаде в 1993 г., которая познакомила соотечественников автора с жизнью и творчеством незаурядного современного поэта урду. Отрадно было очередной раз убедиться, что

¹⁴ Имеется в виду восстание сипаев 1857–1859 гг.

наша литература и культура вызывает интерес российских читателей. Что же касается перевода книги А. Сухочева, то по сравнению с ней перевод монографии о Галибе стал для О. Фаруки несопоставимо сложным делом. И все же, тесно сотрудничая с Натальей Пригариной, переводчик с честью справился с этим, с точки зрения сложности текста, настоящим испытанием. Немаловажным было и то, что автор сама предоставила переводчику все цитаты на урду и персидском, содержащиеся в книге, и последнему не пришлось тратить время на длительные поиски оригиналов. Таким образом, перед нами, помимо всего, еще и пример плодотворного сотрудничества переводчика и автора.

Я с полным правом могу сказать, что исследования творчества Мирзы Галиба обогатились очень ценным российским вкладом.

Литература /References

Ванина Е. Ю. Слово главного редактора. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 2 (20). С. 9 [Vanina E. Yu. Editorial. *Vestnik. Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2022. No. 2 (20). P. 9 (in Russian)].

Глебов Н., Сухочев А. *Литература урду*. М., 1967 [Glebov N., Sukhochov A. *Urdu Literature*. М., 1967 (in Russian)].

Елизарова Р. А., Сухочев А. С. *Прогрессивные писатели Пакистана*. Ташкент, 1978 [Elizarova R. A., Suchochov A. S. *Progressive Writers of Pakistan*. Tashkent, 1978 (in Russian)].

Faruqi, Shamsur Rahman. *Muṭāl'āt-e Ghālib. Ghālib par chār tahrīrēñ*. Delhi, 2001 [Faruqi Shamsur Rahman. *Studies of Ghalib. Four articles on Ghalib*. Delhi, 2001 (in Urdu)].

Jafri, Ali Sardar. *Taraqīpasand adab*. Aligarh, 1951 [Jafri Ali Sardar. *Progressive Literature*. Aligarh, 1951 (in Urdu)].

Hali, Altaf Husain. *Madd-o-jazr-e islām* [Altaf Husain Hali. *Ebb and flow of Islam*. Delhi. n. d. (in Urdu)].
Prigarina Natalya. *Mirza Ghalib*. Hyderabad, 1997 (in Urdu).